

ПОЧЕМУ САЛЬЕРИ

ОТРАВИЛ МОЦАРТА?

Ист. Россия - 1996. 21 июня - 14

С легкой руки Пушкина все знают: из зависти. Версия поэтична, но маловероятна. Если бы люди убивали друг друга из зависти, на земле осталось бы очень мало людей...

Не то чтобы я умалял значение зависти. Например, если в строке «Нет, никогда я зависти не знал!» Пушкин писал правду, то это, видимо, было до ознакомления со стихами Тютчева в 1836 году. Друзья рассказывают, что после этого он две недели ходил как пьяный... Но пусть мне укажут на что-то, хотя бы отдаленно напоминающее отзыв его о Тютчеве. Столь щедрый на похвалы второстепенным поэтам, нашел ли он хоть одно доброе слово о величайшем, как называл его Фет, лирике земли? Какой разительный контраст с Некрасовым, «открывшим» своего антипода, Тютчева, 14 лет спустя!.. Так что в 1836 году Пушкин зависть знал, и это самое большое пятно на «солнце нашей поэзии». Что поделаешь, правда бывает жестокой...

Однако мы немного отвлеклись. Вне сомнения Сальери завидовал Моцарту. Да и кто из музыкантов не завидовал этому (как его при жизни именовали) «богу музыки»? Но для убийства у первого капельмейстера венского двора был более прозаичный и веский мотив: страх потерять свое почетное и доходное место. Хотя Моцарт был лишь третьим придворным капельмейстером и композитором, но мощь и плодотворность его дарования вряд ли могли оставлять у знающих толк в музыке сомнения в том, что день, когда Моцарт займет подобающее ему место первого придворного капельмейстера и композитора, не за горами. А самолюбивый Сальери толк в музыке знал. И не хотел становиться вторым капельмейстером обласкивавшего его императорского двора (Иосиф II пожаловал ему медаль на золотой цепи, а французский король — орден Почетного легиона).

Что помешало Пушкину заметить этот мотив преступления? То, что мотив зависти лежал на поверхности, а сангвиник, даже гениальный, остается сангвиником. Неминуемая поверхностьность живого сангвинического мышления — давно аксиома для психологов. Выигрывш в скорости оплачивается проигрывш в глубине мысли...

Два примера. Друзья изо всех сил отговаривали поэта от женитьбы на очень красивой, но (да простят мне ее поклонники) глуповатой Натали Гончаровой. Пламенный сангвинический темперамент Пушкина помешал ему разглядеть более или менее неизбежные последствия этого духовного мезальянса. Ведь если говорить в общих чертах, то именно недалекость жены, более чувствительной к физической, чем к душев-

ной красоте, погубила поэта, которому, видимо, льстила мысль (при всем своем арапском, как он говорил, безобразии) владеть первой красавицей Петербурга... Сангвинизм плохо совместим с дальновидностью и мудростью.

Другой пример. Он согласился на письменно изложенные условия рокового поединка, даже не взглянув на них. А там был очень важный пункт: «...Противники, по данному знаку, идя один на другого, ни в коем случае не переступая барьера, могут стрелять». Дантес, который, видимо, не поленился прочесть этот пункт, полностью использовал все его возможности, начав целиться и выстрелив первым на ходу, за шаг до барьера, т.е. сэкономив драгоценные секунды, стоившие жизни его противнику, который начал поднимать пистолет, лишь подойдя (хотя и первым) к барьеру. Явно продуманная тактика Дантеса заключалась в том, чтобы стрелять на ходу по неподвижной мишени. Зная пылкий и нетерпеливый нрав поэта, он заранее решил, целясь на ходу, идти к барьеру медленнее, чем Пушкин, с тем чтобы выстрелить в тот момент, когда тот остановится перед барьером. Именно это и произошло. Его способности к математике отмечали еще в военном училище Сент-Сир...

Восхищаются присутствием духа поэта в день дуэли, который, как кратко записал Жуковский: «Встал весело в 8 часов — после чаю много писал — часу до 11-го. С 11 обед. — Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни — потом увидел в окно Дантеса, в дверях встретил радостно. ...За час перед тем, как ему ехать стреляться, написал письмо к Ишимовой (сочинительнице «Русской истории для детей»); в этом письме, довольно длинном, он... входит в подробности о ее истории, на которую делает критические замечания так просто и внимательно, как будто ничего иного у него в эту минуту в уме не было». Далее Жуковский пишет о беззаботности, с которой было написано это последнее в жизни поэта письмо. Беззаботность (притом потрясающая!) — вот слово, которое вертелось на уме и у пишущего эти строки. Столь характерная для сангвиников почти детская беззаботность, которой мы обязаны (как пишет Гоголь) «невольной красотью», т.е. изяществом пушкинских творений, эта самая беззаботность обернулась в роковые для поэта часы трагическим легкомыслием, приведшим его к гибели. Сам превосходный стрелок, Пушкин должен был тщательно проработать разные варианты начала дуэли, чтобы по возможности не дать превосходному стрелку Дантесу шанс первого выстрела. Вместо этого даже на месте дуэли он торопит секундантов, не вникая в подробности происходящего... Трудно не назвать это некоторой безответственностью по отношению к близким и дивному своему дару. Впрочем, гениальный поэт вовсе не обязан быть (и редко бывает) кладезем премудрости. Достаточно того, что он кладезь духовной красоты.